

УДК 31:001+316.28

Н.А. Пипченко

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

В статье проанализировано влияние «цифрового неравенства» на осуществление эффективной политической коммуникации, а также раскрыта суть термина «цифровое неравенство». Обоснована необходимость разработки стратегии развития электронного управления для расширения отношений между государством и гражданами, оказания государственных услуг в режиме он-лайн, а также определены некоторые методы преодоления цифрового неравенства.

Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) стали мощным инструментом глобальных общественных изменений, влияющих на деятельность демократических институтов. Поэтому важно обратить внимание на неоднозначный характер политических последствий для развития сферы социальных связей индивида. Рост цифрового неравенства, который связывают исключительно с технологическим отставанием одних слоев общества (государств) от других, влияет на «включение» граждан в политический процесс, который осуществляется с помощью современных информационно-коммуникационных средств. Дальнейшее увеличение информационного разрыва может привести к «исключению» определенных слоев общества из процесса политических коммуникаций и автоматически ставит под сомнение возможность практического и эффективного воплощения принципов «народного суверенитета». Однако государство заинтересовано в максимальном включении ее граждан в формализованные процессы политических коммуникаций, потому что «исключения граждан» может привести к усилению недовольства в обществе и социальной напряженности.

Цифровое неравенство, или информационное неравенство (от англ. digital divide), означает ограничение возможностей социальной группы или страны из-за отсутствия доступа к современным средствам коммуникации. В русском языке не сложилось единого эквивалента устойчивому понятию «digital divide», поэтому используются словосочетания «цифровой барьер», «цифровое неравенство», «цифровой разделение», «цифровой разрыв», «цифровая пропасть», «информационная пропасть». Сейчас «digital divide» является термином, который имеет оттенок социально-политического характера, потому что из-за ограничения доступа к телевидению, Интернету, телефонной связи (мобильной и стационарной) или радио социальная группа или индивид теряют возможности поиска работы, налаживания социальных связей, что отрицательно влияет на экономическую эффективность государства, развитие и сохранение культуры, общий уровень образования [1; 2]. По мнению М. Кастельса, современная глобальная тенденция развития мира заключается в том, что к сети информационной экономики привлечены социумы, которые представляют для нее ценность (тем самым они обладают дополнительной стоимостью) и находятся за ее пределами, и те социумы, которые не обладают такой ценностью (тем самым еще больше уменьшаются их шансы получить какую-нибудь стоимость) [1].

Авторами, которые разработали методологическую основу исследований информационного общества, являются Д. Белл, П. Дракер, Н. Луман, М. Маклюэн, М. Кастельс, Ю. Хаяши, Э. Тоффлер, А. Турен. Теорией информационного общества также занимались такие известные ученые, как Р. Катц, Й. Масуда, М. Порат, Т. Стоуньер. Проблемы функционирования Интернета как политического института исследуют западные ученые А. Абрамсон, Ф. Артертон, К. Орден, П. Джарвис, украинские исследователи С. Кашавцева, В. Королько, Т. Рудницкая, Е. Макаренко, А. Силенко, Д. Дубов. Вли-

янию Интернета на политический процесс посвящены работы Е. Коррадо, Х. Рейнгольда, Ч. Фаерстона. Интернет как фактор общественных трансформаций анализируется российскими учеными Г. Вайнштейном, А. Чугуновым. Политически активную роль информационных технологий в децентрализации и демократизации жизни современного поколения раскрывают Дж. Гэлбрейт, Ф. Фукуяма, Л. Лейдесдорф [1–12].

В научной литературе политическое развитие определяется как «нарастание способности политической системы приспособиться к социальным условиям, которые изменяются, при сохранении и увеличении возможностей для элит и рядовых граждан выполнять свои специфические функции в деле управления обществом и государством» [13]. В связи с этим выделяют такие политические изменения: нарушение соотношения элементов, обеспечивающих равновесие системы, не затрагивает основные структуры общества и власти, т.е. при изменении лидеров, правительства, отдельных институтов не происходит изменения базовых ценностей, норм и способов организации власти; трансформация основных элементов системы, базовых институтов, норм и коммуникаций содействует качественному изменению системы [13]. Таким образом, политическая система должна быть способной удовлетворять интересы социальных групп, положение которых может изменяться в связи с территориальным перемещением, ростом уровня образования, улучшением профессиональной подготовки и т.д. При этом эффективность власти напрямую зависит от средств информационного обмена, установления и поддержания постоянных связей между ее субъектами, поскольку власть невозможно представить без опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти, а также между государством и обществом [14].

Проблемы политического развития стран в переходных условиях нашли отражение в теории модернизации, что является, согласно В. Пугачеву и А. Соловьеву [13; 15], совокупностью различных схем и моделей анализа, раскрывающих динамику преодоления отсталости традиционных государств. Отмечая множество подходов к описанию переходных процессов, следует заметить, что у них есть и общее: все они признают неравномерность общественного развития, а также необходимость преобразования (модернизации) по примеру индустриальных (постиндустриальных) стран. Учитывая факторы, осложняющие проблему цифрового неравенства, а именно: низкий материальный уровень жизни в развивающихся странах; отставание этих стран от современной коммуникационной инфраструктуры; низкий уровень образования населения и, как следствие, нехватка необходимых для развития и использования ИКТ квалифицированных специалистов; языковой барьер, – можно сделать вывод, что в ближайшие годы информационное общество для одних стран станет реальностью, а для других – только ориентиром развития [2]. Таким образом, проблема цифрового неравенства приведет к углублению других видов неравенства – экономического, социального и культурного.

По мнению западных исследователей, которые прогнозируют социальные изменения, вызванные развитием сетевых средств связи, ожидается ускорение темпов политических, экономических, религиозных и культурных перемен в государстве или регионе за счет скорости распространения информации; снижение достоверности в связи с тем, что быстрота и легкость передачи и воспроизведения всех видов информации приводит к соблазну ее исказить. Сюда же можно добавить проблему соблюдения авторского права; расширение возможностей компьютерной преступности; уменьшение аудитории телевидения и увеличение популярности радиостанций; снижение воздействия газет: увеличение прибыли от рекламы; рост количества баз данных о рядовых гражданах, что приводит к потере личной свободы, но способствует росту стоимости таких баз данных. Вместе с тем нельзя не учитывать, что благодаря этим цифровым «отпечаткам пальцев» можно быстро собирать огромное количество данных медицинского, демографического, политического и социального характера, отыскивать и задержи-

вать преступников, осуществлять контроль над эпидемиями и т.д. Углубление разрыва между лицами, которые владеют коммуникационными навыками и являются конкурентоспособными на рынке труда, и лицами, которые подобных навыков не имеют, может способствовать появлению новой формы изоляции индивидов, которые сформируют в обществе отдельную социальную группу; рост числа людей, которые работают дома с помощью персональных компьютеров, приводит как к уменьшению транспортных расходов, повышению общественной стабильности, так и к обострению проблем социальной защиты (медицинское страхование и пенсионное обеспечение) и психологической нагрузке на индивида и его семью за счет сокращения общения [10].

Анализируя особенности влияния информационной революции на политическую сферу, можно отметить, что политически значимые проблемы, возникающие в результате информационно-коммуникативной революции, очень разные и внутренне противоречивые. Так, быстрое развитие электронной коммерции и возникновение в связи с этим миллионов новых рабочих мест входит в противоречие с традиционными инструментами государственного регулирования экономикой. Следствием свободы выбора и самореализации в виртуальном пространстве стал упадок моральных устоев общества. Эти и другие проблемы характеризуют политическое измерение глобальных коммуникаций в той мере, в которой они требуют новых подходов в сфере политического регулирования, сложных публичных решений, совместных усилий общественных и государственных институтов на национальном и межгосударственном уровнях.

Политические последствия электронной экспансии не могут оцениваться однозначно. С одной стороны, широко распространяются идеи и образы «цифровой политики», «цифровой демократии», «цифрового политического пространства», которые реализуются через развитие электронной коммерции, становление массового и сетевого общества и т.д.. С другой стороны, прогнозируются неизбежность сверхцентрализации власти, монополизация информационного пространства, контроль над индивидуальным сознанием, тотальное использование манипулятивных методов, усиление культурного империализма и укоренения медиакратии (уничтожение в ближайшем будущем всех исторических завоеваний демократии) [15].

Проблема «цифрового неравенства» начала рассматриваться после публикации в июле 1999 г. в США результатов исследования об использовании телекоммуникационных технологий в государстве. Доклад, подготовленный Министерством торговли США, назывался «Провал в сети: установка цифрового неравенства» и содержал статистические данные о существовании неравенства среди граждан США в сфере использования информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ) на основе экономических, расовых и других демографических различий [16]. Развитие сети Интернет и ИКТ содействовали смещению акцента на технологическое неравенство между странами, что способствовало дальнейшему углублению экономического и социального неравенства, результатом чего стал рост нестабильности в мире. Для преодоления этих проблем на международном уровне в июле 2000 г. в Окинаве на саммите стран Большой восьмерки была принята «Хартия глобального информационного общества» [17], в которой понятие «цифровое неравенство» впервые было введено в мировой научный контекст, а доступность информационных технологий для людей во всем мире провозглашалась основополагающим принципом. Для решения проблемы преодоления цифрового неравенства на международном уровне была создана комиссия «Digital Opportunity Task Force», задачей которой стал поиск возможностей преодоления разрыва разных стран в доступе к информации и знаниям.

Кроме того, в США была разработана программа по преодолению глобального информационного разрыва, в которой приняли участие ведущие американские компании, работающие в сфере информационных технологий, чтобы оказывать технологиче-

скую помощь странам и регионам, в которых остро ощущаются проблемы цифрового неравенства, в частности, Индия, КНДР, Филиппины, Колумбия и Южная Африка. По мнению экспертов, основными препятствиями на пути широкого использования информационных технологий в любом государстве являются низкая активность правительственных структур в сфере развития сети Интернет на государственном уровне, неупорядоченное законодательное поле, неадекватная и непомерно дорогая телекоммуникационная инфраструктура, высокая стоимость услуг интернет-провайдеров, низкий уровень жизни граждан. На Всемирном саммите ООН по информационному обществу (WSIS) в декабре 2003 г. по инициативе большинства стран-участниц была принята декларация, которая призывала западные страны сделать все, чтобы преодолеть «цифровое неравенство» до 2012 г. [18]. Однако ведущие европейские страны и Япония даже не делегировали на этот саммит своих официальных представителей.

В декларации утверждалось, что цифровое неравенство проявляется не только в форме ограничения доступа к ИКТ из-за низкого уровня экономического развития страны, но и через ограничение доступа населения к сети Интернет в отдельных странах мира. Например, контроль над доступом к сети Интернет и жесткая цензура контента информационных сообщений осуществляется в таких странах как Китай, Куба, Саудовская Аравия, Вьетнам, Сирия, Тунис. Сеть Интернет рассматривается как угроза национальной безопасности, поэтому в Северной Корее, Лаосе и Бирме запрещено использовать всемирную сеть, к которой в этих странах имеют доступ только элитные круги, связанные с правительственными структурами. И в государствах с демократическими режимами также происходит усиление контроля за данными, размещенными в сети Интернет и установление правил управления ИТ-сектором, что связано с необходимостью предотвращения совершения террористических атак в мире [2; 3].

Таким образом, мировому сообществу необходимо разработать и реализовать стратегию развития электронного управления для расширения отношений между государством и гражданами, оказанию государственных услуг в режиме онлайн с обязательным соблюдением всех прав и свобод человека. В основе этих процессов должно находиться медиаобразование как один из главных методов преодоления цифрового неравенства. Выполнению указанных выше мер может способствовать деятельность Форума по вопросам управления Интернетом (IGF) и организации «Европейский диалог по вопросам управления Интернетом» (EuroDIG). Для преодоления цифрового неравенства необходимо, чтобы государство привлекало коммерческие структуры к единой программе использования ИКТ для получения социальных благ, в частности, нужно широко внедрять сетевую инфраструктуру, модернизировать телекоммуникационный сектор; поддерживать развитие экономики с помощью мобильных технологий [10; 16].

На современном этапе государственными органами разных стран мира предпринимаются шаги по преодолению имеющихся кризисных явлений в данной сфере: расширение возможностей для всех граждан получить базовое информационное образование, принятие комплексных государственных программ в сфере информатизации, внедрение информационных технологий в органах государственной власти и модернизация коммуникативного канала «государство – граждане». Однако часто эти меры либо внедряются непоследовательно, либо не получают достаточного бюджетного финансирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. – М. : Academia, 1999. – С. 28.
2. Сіленко, А. Соціально-політичні наслідки інформаційної революції / А. Сіленко // Політичний менеджмент. – 2005. – № 5 (14). – С. 61–74.

3. Вайнштейн, Г. Интернет как фактор общественных трансформаций / Г. Вайнштейн // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 7. – С. 22.
4. Toffler, A. *The Third Wave* / A. Toffler. – N.Y., 1980. – P. 46 – 58.
5. Thurow, L. *Creating Wealth. The New Rules for Individuals, Companies and Countries in a Knowledge-Based Economy* / L. Thurow. – N.Y., 1999. – P. XV.
6. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., Academia, 1999. – С. 288.
7. Гор, А. Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели / А. Гор // *Новая постиндустриальная волна на Западе : антология*. – М. : Academia, 1999. – С. 567.
8. Мельянцева, В. Информационная революция – феномен «новой экономики» / В. Мельянцева // *МЭ и МО*. – 2001. – № 2. – С. 3.
9. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния / Ф. Фукуяма // *Новая постиндустриальная волна на Западе : антология*. – М. : Academia, 1999. – С. 132.
10. Каннингэм, С. Сетевые средства связи: двенадцать способов изменить нашу жизнь / С. Каннингэм, А. Портер // *Впереди XXI век. Антология современной классической прогностики*. – М. : Academia, 2000. – С. 96.
11. Jarvis, P. *Globalization, Lifelong, Learning and the Learning Society* Routledge, 2006. – 256 p.
12. Leydesdorff, L. *A Sociological Theory of Communication: The Self-Organization of the Knowledge-Based Society*. – Universal Publishers, 2001. – 359 p.
13. Пугачев, В.П. Введение в политологию / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 1998. – С. 425.
14. Пильцер, П. Безграничное богатство. Теория и практика экономической алхимии / П. Пильцер // *Новая постиндустриальная волна на Западе : антология*. – М. : Academia, 1999. – С. 417.
15. Пугачев, В.П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию / В.П. Пугачев. – Вест. МГУ. Сер. 12. Политические науки. – 1999. – № 4. – С. 25–30.
16. Коротков А.В. Преодоление цифрового неравенства как информационная стратегия современного общества : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / А.В. Коротков. – Москва, 2003. – 203 с.
17. Окинавская Хартия глобального информационного общества, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>.
18. Declaration «Filling the «Democratic digital divide» // Document WSIS/PC-2/CONTR/51-E, 6 January 2003. – 5 p.

Pipchenko N.A. Implementation of Political Communication in a Global Digital Divide

In the article the impact of the «digital divide» in the implementation of an effective political communication analyzed and the concept of «digital divide» disclosed. Described the need to develop a strategy to enhance e-government relationship between the state and the citizens, provision of public services on-line and the definition of methods to overcome the digital divide.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.02.2013